

Это личное!

Светлана
Волкова
соавторы

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В67

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

В оформлении обложки использовано изображение из фотобанка *Shutterstock*. Автор *siamionau pavel*

Волкова, Светлана Васильевна

В67 Соавторы: [роман] / Светлана Волкова. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 318 с. (Это личное!)

ISBN 978-5-17-145668-9

Две юные блогерши решают стать соавторами и написать роман в жанре психологического триллера. Для достоверности они ищут персонажей в социальных сетях. Но ни главная героиня Маша, ни её соавтор Белка не догадываются, насколько жизнь тесно переплетётся с их текстом и повлияет на их судьбы. Человек, выбранный случайным образом как прототип злодея, всё больше привлекает Машино внимание...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-145668-9

© Светлана Волкова, текст, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Я боюсь пустых чашек. Не до смерти, конечно, но... Румяным здоровым людям такое сразу и не объяснишь. Вот если на столе в кухне стоит чашка, мне жизненно — просто *жизненно* в прямом смысле слова — необходимо, чтобы в ней было хоть что-нибудь, закрывающее её идеальное дно: чай, — лучше кофе, — или, на худой конец, обыкновенная вода. Даже скрепка подойдёт. Иначе я задыхаюсь, как хронический астматик: у меня синдром со сложным названием, но не сильный, а так, пара заскоков. Бывает и похуже. Ему, моему синдрому, всего пара лет, и с ним вполне можно жить. Я даже ходила к дорогушему психиатру, он долго бубнил про какие-то повторяющиеся бихевиоральные репертуары, обсессивно-компульсивное расстройство и прочую муть, но я поняла лишь одно: жить можно, если чашки НЕ пустые. Тогда я нормальный человек. Если чашки пустые — мне не вздохнуть, не выдохнуть и физически больно. Вот и всё. Мне для счастья надо всего три вещи: первое — чтобы меня все оставили в покое, второе — чтобы дали заниматься тем, чем хочу, и третье — да, чтобы чашки...

Белка купила чёрные квадратные кружки. Это на случай, если вдруг мы забудем плеснуть в них чего-нибудь —

пустота не сразу станет заметна. Белка милая, заботится обо мне как может, но не понимает, что мозг-то не обмануть. Он — мозг — теперь натренирован, и чёрные ёмкости для него как триггер: только войду в кухню, глаза помимо воли сразу сканируют всё вокруг, а где-то в затылочной части уже ноет: чувствую, что в кружке ничего нет, даже сквозь её толстые стенки.

С родителями я не живу уже около трёх лет — с тех пор как окончила школу.

Они всегда разговаривали со мной другим голосом — растягивая слова, как будто я ненормальная. А я нормальная. Вот Белка это понимает. Если бы не она, мне было бы сильно плохо, и мой фарфоровый мир раскололся бы на треугольные осколки, которые я собирала бы в настоящей психушке. Белка подобрала меня в мои самые чёрные дни, когда жить не хотелось; когда мой парень Лёша сказал, что между нами был только дружеский секс и ничего более; когда маячило отчисление из института; когда квартира, которую мы снимали с двумя однокурсницами, стала мне настоящей тюрьмой, а возвращаться из Питера в Екатеринбург к родителям было равносильно персональной Голгофе; когда я выла по ночам и соседки по комнате, начитавшись дряни в интернете, заворачивали меня в мокрую простыню, понимая под такой карательной психиатрией первую помощь, а затем отпаивали меня водкой, потому что барбитуратов под рукой не было.

Вот тогда, у дверей деканата моего факультета прикладной математики, она подошла и сказала:

— Привет, ты Маша Келдыш? Я читала твой блог в сети. Хорошо пишешь.

Потом, не дав мне ответить, тряхнула угольной чёлкой и продолжила:

— Отчислили?

Я кивнула, скаламбурив что-то про то, что мой прикладной факультет жажнул меня прикладом по голове. Она даже не улыбнулась, только сказала, немного помолчав:

— Есть идея.

В тот же день я переехала к ней. У нас на двоих крохотная съёмная квартира в Рыбацком, один диван и одна раскладушка, которыми мы меняемся каждую неделю, чтобы не убить спины. И пять книг за два с половиной года.

Мы с Белкой соавторы.

Общего у нас оказалось невероятно много (кроме моего заскока с чашками, конечно). Мы обе пошли в свои школы в шесть лет. Так получилось: Белка — потому что садик в Сланцах закрылся, и её не с кем было оставлять; а в школе — продлёнка, и можно не беспокоиться о том, что дитё шастает одно по улицам. А я — потому что к шести годам знала наизусть все буквари и учебники за начальную школу. Я вундеркинд. Но ленивый и своенравный. Родителей я измучила характером, бабка вообще отказалась со мной сидеть, вот меня и «сдали» в школу для таких же лобастых. В классе оказались одни придурки. У Белки, кстати, тоже. Я думаю, мы начали писать фэнтези отчасти и потому, что детство наше закончилось в шесть лет. Мы обе не доиграли, недохныкали, недокапризничали, недопускали слюнки на воротнички и недоступали лопаточками по голове сопливых сверстников в песочницах. Теперь вот стучим по головам читателей. То, что нас угораздило выбрать один институт — большое маленькое чудо: иначе мы бы не встретились. Я поступила в шестнадцать лет, Белка в семнадцать. У нас разница в возрасте четыре года, и к моменту

моего поступления Белка уже имела в кармане диплом бакалавра и штурмовала магистратуру. Белка умница: поставила себе цель её закончить — и закончит, даже спорить нечего. А я слетела с первого курса — из-за лени, инертного дебилизма и той истории с парнем. Сейчас я учусь в другом вузе и о своей прикладной математике вспоминаю с адекватной иронией и без ностальгической икоты.

Ещё у нас с Белкой одинаковые вкусы в еде. Мы обе любим сырники и борщ. Пища не диетическая, конечно, но невероятно вкусная. А талия ничуть не страдает: у нас иногда бывает такое безденежье, что мы делаем бутерброды с огурцом, и счастливы как идиотки. Белка говорит, что, когда мы сможем прокормиться одной литературой, тогда и разжиреем. Нарочно разжиреем, в контрпамять о наших первых голодных писательских годах.

А вот в одежде у нас вкусы разные. Я люблю хипповое, хотя умники утверждают, что, когда из-под пятницы торчит суббота, пёстрое сверху и много длинных бус — это стиль бохо. Я — королева винтажных барахолок. А Белка любит носить всё чёрное, от трусов до шапки. Ей идёт. Я подарила ей цветастую футболку с принтом из «Игры престолов», она поносила её день, потом бросила в стиральную машину вместе с остальными шмотками. А так как остальные шмотки чёрные, то и футболка полиняла, конечно. Белка демонстративно охала, но, я думаю, то был спектакль для меня, а на самом деле она намеренно так сделала, чтобы всё у неё чёрным оставалось. Ну и ладно. Я не приставала к ней. Она не гот, не эмо, просто вкус у человека такой. А вообще, Белка светлая личность. Светлее меня раз в сто. И пишет, кажется, лучше, хотя призналась мне, что завидует моему таланту. Говорю же, светлая.

А ещё у Белки есть тайна. Какая — не говорит. При том, что секретов друг от друга у нас нет, право Белки на

тайну я никогда не оспаривала. Даже немного завидовала ей — у меня вот никакой тайны нет, я примитивна и пресна. В общем, не будь я такой загнанной своими проблемами и переключном с пустыми чашками, я бы тоже придумала себе какой-нибудь наворот. Например, что мой биологический отец — бывший министр обороны Мьянмы, сгноённый подлой хунтой в сыром каземате стольного града Нейпидо за разделённую народную любовь. Но в зеркале я вижу не смоляные волосы и раскосые индокитайские глаза, а пугливую мордочку среднестатистической русской тиражности, с обычными серыми глазюками, русым вороньим гнездом на голове и таким скучным славянским носом, что о загадочной Мьянме и мечтать нечего. К тому же, мой биологический папаша, сваливший от матери, когда я была совсем ещё пупсом, не харизматичный восточный силовик, а тихий екатеринбургский пьяница. В общем, тяжело у меня с тайной. Пусть хоть у Белки будет. Когда-нибудь она не выдержит и сболтнёт, я её знаю, и окажется, что она какая-нибудь Фея Драже или что у неё в биографии семь загадочно умерших мужей — разной национальности, роста и веса, но все как один с родинкой на левой ягодице (для тайны).

Ещё Белка пахнет зелёным яблоком и корицей, и когда я чую этот запах где-нибудь вне дома, то моментально добрею, даже если зла. Как будто Белка рядом. Значит, всё хорошо. А сама я ничем не пахну. Разве что детским мылом, потому что другое не переносу.

Издатель долго ныл, чтобы мы взяли один псевдоним на двоих, обязательно мужской — это, мол, двигает продажи, но мы гордо отказались. Да, для подросткового фэнтези надпись на обложке «Белла Закревская и Мария Келдыш» звучала душно, громоздко и престарело, но самое большее,

на что мы согласились, — сократить имена и оставить фамилии. Первая наша книга вышла с гордым кричащим грифом «Белка Закревская и Маня Келдыш». «Маня» — потому что Белка сказала:

— «Маша Келдыш» — два «ш», просто звукопись какая-то, змеиный язык. Давай-ка, убери шипящее.

Белка Закревская и Маня Келдыш. Так мы и въехали в литературу — пусть не в великую, но всё-таки литературу, вытащив себя за волосы из необъятного, тягучего Саргасова моря блогерства, которому каждая из нас отдала лучшие, непуганые годы становления пера. Я ещё цепляюсь иногда за сети, подписчиков, лелею гордыню, вскормленную лайками (хотя, говорят, при моём синдроме подобная зависимость провоцирует нездоровье). Когда тебе восемнадцать, мелочи имеют значение. Когда мне стукнет двадцать два, как Белке, я стану мудрой и степенной. Наверное.

Белке было тяжелее порвать с сетевым наркозом. Она вела блоги с пятнадцати лет — сначала в «Твиттере», потом в «Фейсбуке». Затем нырнула в «Инстаграм» и «ТикТок» и уже не вылезала оттуда. Даже зарабатывала какие-то деньги на рекламе, вела видеоблог о фитнесе, альтернативной диете и американских сериалах, которые смотрела каждый день. Ёрничала, язвила, перелаивалась на форумах с такими же, как она. В общем, жила в интернете. Когда получила от своего парня сообщение: «Если ты не заметила, я ушёл от тебя», крепко задумалась. А она не заметила, правда. Так бывает. И вот тогда Белка дала себе слово порвать с интернетовской дурью. Боролась сама с собой год, срывалась, снова клялась и снова срывалась. Позже она призналась мне, что именно писательство (реальное, не сетевое) её в конце концов и вытащило.

Белка предложила стать антиглобалистами. Уйти из сетей. Вообще. Писать книги, путешествовать, жить в каком-нибудь Гоа или в бухте Халонг. Надо лишь полгода подождать, пока она закончит эту свою магистратуру. Только где взять на это деньги — гонорары чуть больше студенческой стипендии, а если пойти работать, то когда же писать? К тому же я снова студентка, но, слава богу, заочница, так что свалить на тёпленькое море смогу легко. После ухода из моей прикладной математики я поступила в Герценовский на социальную защиту. Просто это был единственный факультет, на котором оставались бюджетные места, ведь платить за мою учёбу ни мать, ни отчим не собирались. А что, вырасту, выучусь, стану соцработником, буду ходить по старушкам и многодетным семьям и нести благо в их серые жизни. Белка всё-таки молодец, настояла, чтобы я вписалась хоть в какую-нибудь учёбу, мол, высшее образование, хоть тресни, а должно быть, без него в жизни придётся туго — это как надеть джинсы на голое тело без трусов: не видно, а всё-таки что-то с тобой НЕ ТАК. Но на Гоа, конечно, хочется, и в последнее время что-то уж больно невтерпёж.

В новогоднюю ночь мы с Белкой крепко поспорили из-за того, есть ли у драпона линька или нет. Драпон — помесь карликового дракона и питона, мы придумали. У Белки были аргументы, что нет, это оттянет действие и драйв ненужными подробностями. Я же ратовала за достоверность, за линьку: как ни крути, змеюка есть змеюка, и обмануть ожидания читателей равносильно загубить очарование персонажа. Мы так заболтались, что пропустили и речь президента, и бой курантов, и бесчисленные телефонные трели. Тогда Белка сказала:

— Всё. Надоело. Давай напишем настоящую взрослую книгу!

— Взрослую — «восемнадцать плюс», с нескучным трахом? — уточнила я.

— Нет, — Белка вскинула голову, — не обязательно. Надоели все эти единороги и прочая зоодрянь. Давай детектив напишем. А лучше — триллер.

— Психологический, — само вылетело из меня.

Наши глаза встретились, обменялись чертами, и до самого жиденького утра первого января, когда спит пьяным сном всё вокруг, мы творили, плели, запутывали неожиданно возникший сюжет. Небесный вай-фай, к которому мы мгновенно подключились, не подвёл. История выткалась ладная, жёсткая, местами даже очень, но, — что было несомненным, — живая и захватывающая.

Писалось легко и много. Через неделю была полностью готова первая глава, и штрихами набросаны все задуманные двенадцать. Работали мы в две руки: за Белкой, как всегда, была проработка характеров и диалоги, за мной — мир и язык. Историю, ключевые сцены и интригу — любимое блюдо нашего редактора Люси — мы по-честному ваяли вдвоём. Не было лишь яркого финала, только его наброски, но Белка сказала, что надо писать не останавливаясь и финал вызреет, как нарыв на лилейной щеке: розово и бугристо. Я согласилась, хотя с драконами и единорогами у нас было наоборот: сначала рождалась феерическая концовка, а затем на неё, как мясо на скелет, наращивалось остальное. Но триллер сам руководил нами, где-то заставляя убыстрять темп, а где-то замедлять. Мы чувствовали рождающийся текст кожей, мозгом, жабрами, мы дышали им, жили им, любили его и ненавидели, иногда забывая разогреть себе еду или сходить в душ перед сном. С четвёртой

главы текст стал писать себя сам, неожиданно требуя ввода новых и новых персонажей, которых бдительная Белка либо вовремя вычёркивала, либо по сюжету убивала.

О том, над чем работаем, мы не говорили никому: этого требовала пока не рождённая книга. Закончили мы к концу апреля. Белка ходила бледная, худая, а стрижка «под пачанёнка» делала её похожей на угловатого ершистого подростка. У неё на носу был диплом, и как она выдержала этот марафон, не слетев с последнего курса, было загадкой даже для меня.

Названия у книги пока не было, мы долго спорили о нём. Единственное, в чём мы были солидарны: в наше простенькое издательство «Урал-подвал», как мы его называли, дорогое выстраданное детище мы отдавать не собирались. Белка лишь выразила гениальную мысль, что надо бы частным образом нанять редактора Люсю отшлифовать текст и выудить косяки, которые мы, в силу замысленности взгляда, были не способны увидеть. Для этого можно продать телевизор, доставшийся нам в подарок, его всё равно никто не смотрит, а Люсе надо платить. Но книга того стоила. Мы уже мысленно делили, как говорила наша школьная завуч, шкуру неубитого медведя: мечтали, как пошлём книгу на все конкурсы и, конечно, во всех победим, и как Белкин знакомый сценарист Витюша протолкнёт книгу в продюсерский центр, по ней снимут кино — а лучше сериал — и будет нам счастье, достаток и новый телевизор, аминь.

Но перечитав написанное, мы сникли.

— Хиленький у нас антагонист получился, — хрипло выдавила Белка. — И протагонист сладковат. Не приторно, конечно, но...

Возразить мне было нечего. Я начала подозревать, что мы скатываемся в подростковую беллетристику задолго до

концовки. Что поделаешь, у нас в анамнезе пять книг про драконов, а их не так-то просто вытравить. Все эти фэнтезийные твари сидели в голове, как неубранные пластиковые стаканчики на чистой зелёной лужайке: шанса, что истлеют, никакого. Впрочем, если их убрать, то лужайка-то окажется пустой. Зелёненькой и скучной.

Мы попытались переписать большие куски и добавили пару глав. Книга начала задыхаться. Прорехи в ней стали ещё более очевидными, и мне виделось, что наш текст, как живой организм, заразился от меня моим хитрым синдромом: его передёргивало судорогой при столкновениями с пустотами. Даже сон приснился: главы — это чашки, а если дно не заполнено, книга заходила в астматическом кашле.

Тогда и было решено: меняем местами героя и антигероя. То есть, взяли вяловатого антигероя с его мелкими недостатками, шрамом на ухе, любовью к мадагаскарским тараканам и вдули всё это в нашего душку-положительного героя. Такие вот экстремальные припарки умирающему. И герой стал объёмным, настоящим и чертовски обаятельным. Книга начала оживать. Мы прошили по всему тексту мелкими стежками все новые привычки нашего парня и снова натолкнулись на проблему: а что делать с парнем плохим?

— Он должен быть высоким и худым, — моделировала Белка. — И обязательно, чтобы ладони потели.

— Фу! Отвратительно! Клише! — орала я и до хрипоты доказывала свою правоту.

За три беспокойные ночи (а ночи — единственное время, когда Белка не торчала на факультете) наш плохой парень менялся раз десять. То он был альбиносом с розоватыми глазами, то смуглым красавцем-мачо, а то вообще китайцем. Худым, полным, коротышкой и верзилой, с прикусом и заячьей губой, с протезом руки, узкой стопой, с

ручным хорьком, которого он всегда носил за пазухой, и, как апофеоз нашей творческой немощи, — с дипломом зубопротезного техника.

Когда мы окончательно выдохлись, Белка сказала:

— Слушай, а давай в сети его найдём!

— Как это? — не поняла я.

— Ну посмотрим профили, люди разные бывают, пощем аватар подходящий и будем уже отталкиваться от него.

Мысль о том, чтобы писать персонажа с реального человека, пусть даже только по внешнему образу, показалась мне спасительной. И правда, что мы мучились? Интернет полон и уродами и красавцами — на любой вкус. Выбирай, автор, из миллионов и не миндальничай. Бесплатная картотека образов и образин.

* * *

Мы потратили ещё несколько дней, просматривая фотографии в «Фейсбуке». Задать параметр «Обаятельный урод», к великому сожалению, не получилось. Много раз мы меняли географию запроса: от Кавказа отказались сразу из-за шаблонности типажей, от классических славянских рож волжских городов тоже, и, когда все лица на мониторе слились в одно, вытопанное и среднестатистическое, мне вдруг пришла идея «покопаться» в Москве.

— Понимаешь, — объясняла я Белке, — там типажей нет вообще. Москва — большой коллектор всех генотипов. Если порыться, думаю, даже бушменов найти можно.

— Наш Питер тоже не отстаёт.

— В Питере не так интересно. И потом, мы же из него маньяка будем лепить, а ну накаркаем. Я вот мнительная, мне по городу потом стрёмно ходить будет.

Белка согласилась, хотя смеялась в голос.

Мы нырнули в соцсети. Искали недолго: сразу появилась парочка подходящих мерзавцев. Но просмотрев их аккаунты в «Фейсбуке», Белка авторитетно заявила:

— Фейковые пацаны. Боты.

— Как это? — не поняла я.

— Ну этих парней не существует. Аккаунты липовые. Создаются для разных целей — например, чтобы не светить реальный профиль, или нужно лайков набрать на каком-нибудь сайте, вот и мухлюют. Или, к примеру, как на известном тебе сайте знакомств, регистрация только через соцсети, сама знаешь.

— Сама не знаю, — буркнула я.

Белка растопырила пальцы веером и прикрыла лицо. Фейспалм у неё — знак глубочайшего разочарования идиотизмом собеседника.

— В общем-то, ничего страшного. — Я пожалала плечами. — Бот так бот. Нам же только рожа нужна.

— Нет! — вспыхнула Белка. — Пусть будет настоящий, живой человек! Подписанный на странички каких-нибудь рок-групп или на футбол, с кучей друзей в контактах, с реальными фотографиями из отпуска в Турции и с вечеринок, с постами, пусть и безграмотными, — но живой. Нам нужен реальный подонок, Манька!

Мы снова углубились в поиски. Я переживала, что время, потраченное на интернет, непременно будет вычтено из времени, отпущенного на роман, но Белка заявила, что я слишком умная и, если буду бурчать, получу от неё щелбан.

Мы не нашли *его* ни в этот, ни на следующий день. Время текло — просто вытекало, стремительно и неумолимо. За поиски мы садились ближе к ночи: днём Белка верте-

лась в институте, а я репетиторствовала по скайпу — давала уроки английского нескольким прыщавым тинейджерам, которых хотелось убить за тупость и лень.

На третий день Белка сказала, что выдохлась, и надо либо отказаться от этой идеи, либо выбрать из тех, кого просмотрели.

— Может, его не существует? Мы теряем время, Манька!

Я всё же не хотела опускать руки. Белка злилась, текст буксовал, надо было, по уму, плюнуть и, как говорил наш единороговый урал-подвальный издатель, скомпилировать из имеющихся образов. Образин, то есть. В голове крутилась песня из далёкого екатеринбургского детства, её постоянно напевала курящая на балконе соседка: «Я его слепила из того, что было...» Что там дальше, не помню, но очень подходило под нашу ситуацию. Белка припомнила мне, как мы лепили нашего драпона, и предлагала даже загрузить компьютерную программу, которая из нескольких фотографий слепит одно лицо, и вот этот-то коллаж мы возлюбим и запустим в книгу.

Но я упиралась и припоминала Белке её же слова о том, что наш парень должен быть живым человеком, а не конструктором. К тому же смысл-то в игре с реальностью, а не в недостатке фантазии. Если мы смогли придумать своих чудовищ, то человека-то изваять сдюжим.

Белка хмыкнула и дала мне три дня на поиски. После этого, сказала она, садимся писать и додумываем на ходу, гори оно синим пламенем. У Белки всё горит синим пламенем, мне не вытравить из неё этот штамп.

Три дня я провела за компьютером. Попадались неплохие варианты. Был даже дядечка, по виду банкир, с часами